

Skleněný
mustek
2015

ВАЛЕРИЙ ДОНСКОВ

КРАСНЫЙ ВОСТОКЪ

Валерий Донсков

КРАСНЫЙ ВОСТОКЪ

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSC 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Фантастика, фэнтези, сатира, антиутопия, историческая проза - вот далеко не полный перечень жанров, к которым по тем или иным признакам можно отнести новую книгу Валерия Донскова. Захватывающие приключения Ивана Услонцева, внезапно попавшего из самой гущи событий гражданской войны и революции в наше, на первый взгляд более спокойное, а на деле - не менее тяжелое и сложное время, заставят читателя не только улыбнуться, но и задуматься: как и в какую сторону изменилась жизнь за последние сто лет? И изменилась ли? А между тем Ивана и его возлюбленную - девушку из нашего времени - ожидают новые, еще более суровые испытания...

© Валерий Донсков 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-7534-011-5

Содержание

Красный Востокъ

Поганцево

Красный Восток

Опять Поганцево

Где-то там, на перепутье

Астрахань

На воде

Земля

Гурьев

Родственники

Бурные события

Контртеррористическая операция

Воскресенье

Рассказы

Там, где Душа кошки

Черная чайка

Яма

Сказки для детей разного возраста

Когда снег сыпется сверху

Рая

Наивный Зулу

©Все права автора охраняются законом об авторском праве.

Копирование, публикация и другое использование произведений
и их частей без согласия автора преследуется по закону.

Skleněný můstek s.r.o. Vítězná 37/58, Karlovy Vary PSČ 360 09

IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

...Осень. Деревья избавляются от своего веселого оптимистичного летнего наряда, теперь окончательно пожелтевшего и опадающего на землю.

Лужи. После вчерашнего дождя кругом на асфальте лужи.

Зябко. Прохожие, неторопливо прогуливающиеся по набережной, прячут шеи в шарфах, сутулятся, поднимая плечи, пытаются уберечь тепло.

Суетливые волны на реке всё никак не могут успокоиться!

Всё очень похоже на мою далекую родину, на прежний гурьевский Жилгородок¹. Очень! Вот эта лавка, на которой сижу. Нескучный сад позади меня. Даже темная скульптура нырлящицы прямо вот-вот готовая с головой отправиться в эти грязные мутные воды.

У нас же возле пляжа была точно такая же! Потом ей, правда, руки обломали... Ну, не суть важно. Да, по всей нашей большой великой стране были точно такие же. Типовая фигурка. И сходство иллюзорное. ...Лавочки наши поплачнее были, да и поглубже, но покороче. Нет. Эти суетливые стоячие волны Москвы-реки никак и никогда не смогут напоминать спокойную гладь Урала.

Неожиданно откуда-то спереди и сверху на воду передо мной спланировала утка. Расправив крылья, она плюхнулась, образуя на мгновение в воде за собой гладкую овальную яму, скользнув в ней, «скозлила», скакнула вверх и окончательно приводнилась, сложив крылья и закачавшись на волнах. Следом за ней оттуда же, из зенита на воду одна за другой, как плюшевые игрушки, беспорядочно посыпалась целая стая уток, но в отличие от первой, несмотря на вертикальное падение, – их приводнение было почти идеальным.

Вот это уже – ни в какие ворота! ...И никакого сходства с Жилгородком.

Можно ли купаться там, где плавают утки?! А шумная, забитая

¹ Гурьевский Жилгородок или Гурьевский жилой городок – архитектурный ансамбль, уникальный памятник архитектуры 40-ых-50-ых годов XX века в городе Гурьеве Казахской ССР. Архитекторы С. В. Васильковский и А. В. Арефьев. Был включен в Государственный список памятников истории и культуры республиканского значения. В настоящее время сильно изменен, частично разрушен и близок к полному уничтожению.

машинами Фрунзенская набережная с большими домами на той стороне реки? Не-ет. Совершенно никакого сходства. Ни-ка-ко-го.

Сбоку, закрывая вид на противоположный берег, показался острый нос и передо мной по воде быстро и тихо, заслоня всё, прошел большой белый речной теплоход со сплошным обтекаемым остеклением по всей палубе, – яхта-ресторан. На широкой корме название: «Баттерфляй».

...Кто-то из классиков, утверждал, что если убить одну бабочку в прошлом, то будущее станет уже совсем другим. Сомневаюсь. Чтобы что-то изменилось в будущем, надо убить несколько сотен тысяч таких бабочек или даже несколько миллионов. Оно не предопределено заранее, но... случилось, так как случилось, и по-другому быть не могло, повлиять на него не зная, о чем там... или даже вернувшись назад, невозможно. И если Вы вдруг не уничтожите этот миллион бабочек, их обязательно убьёт кто-то другой!

...Мир сразу изменится. Может совсем по иным, неочевидным и неизвестным науке причинам. Но все свалят на них, на бедных бабочек.

Красный Востокъ

(не совсем фантастическая проза)

Всем жителям Гурьева...

Неба синего даль огромная
Тишина, простор, солнца яркий диск
Отпусти меня боль народная
Я к земле своей вниз пойду

Поганцево

– Товарищи! С этим дирижаблем, которым мировой империализм вооружил белую контрреволюцию..., который мы сегодня отбили, мы не только освободим эксплуатируемые массы нашего красного Востока, Бухары, но и двинем дальше! Поможем братским народам Монголии, Китая ...и даже Индии, которые, страдая под непосильным гнетом своих эксплуататоров – баев и ханов, давно ждут нашей помощи. Искра красного террора озарит всю планету, освободит трудящихся массы и станет началом мировой революции...

Командир отряда, стоящий на тачанке, превратившейся сейчас в импровизированную трибуну, замолчал. Одетый во всё черное и кожаное, сжимая в кулаке черную кожаную кепку, он указал, зачем-то ею на расстрелянных бойцов Черкесского эскадрона, которые без движения, в неловких позах, заломив руки и подвернув под себя ноги, лежали на сырой земле здесь же, между этой ложной трибуной и всем остальным стихийным митингом.

Бойцы Красной Армии и согнанные на площадь возле догорающей церкви испуганные сельские жители, повинувшись этому жесту, одновременно посмотрели на трупы...

Эмоции бойцов угадать было трудно. В их суровых бородатых или просто небритых русских лицах было все, начиная от классово-ненависти и кончая безысходностью, усталостью и полным безразличием. В преимущественно серых глазах местных, также русских, был только один страх.

Босоногие, раздетые по пояс мертвые горцы, устремив в небо свои черные, у некоторых с сединой бороды, длинные носы и

остекленевшие взгляды, были ещё теплыми.

Ещё минуту назад со связанными руками, окруженные ошестинившейся штыками, винтовками и непонимающей их речь толпой, здесь, вдали от своего дома, они имели надежду на помилование и спасение.

Всего лишь час назад, сверкая на черкесках газырями и царскими наградами, полученными в Первую мировую за заслуги перед отечеством, в папахах и так же во всем черном отчаянно рубились на шашках, отбивались кинжалами, отстреливались и могли, как всегда, рассчитывать на то, что всё-таки случайно уйдут и укроются в своих горных саклях от этой сумасшедшей «красной чумы» и «безумия большевиков», пришедших из больших русских городов Севера и перевернувших всё с ног на голову.

Два часа назад весь этот мир был в их власти.

Теперь для них все было кончено.

– Пленных не брать! – продолжил выступавший, трясая рукой с кепкой, – это главный лозунг нынешнего момента Гражданской войны. Только беспощадное последовательное уничтожение противника обеспечит нам фактический перевес в этой войне и даст всесокрушающее моральное преимущество силам нашей революции над её врагами!

– Какой чо-орт от этих пле-енных! – проворчал стоящий в первом ряду пулеметчик Евдокимов, – Они по-русски-то ни бельмеса, ...совсем ни хрена. – В руках у него был трофейный кинжал, который он вытаскивал и со щелчком обратно загонял в ножны.

– Что-о??? – спросил у него окончательно сбившийся и потерявший мысль оратор.

Евдокимов, не понявший сразу, что обращаются к нему, и только после нескольких тычков соседей осознав это, указал кинжалом на удерживаемый за веревки наблюдательный аэростат, большой изогнутой личинкой, висевший в воздухе над головами красноармейцев:

– Эта... Кто? Я ховорю, хто таперича летать будет на этой де-рижабле?

Оратор растерянно оглядел толпу:

– Товарищи, есть, кто знаком с устройством дирижабля и его использованием? – толпа молчала, кто-то тихо подсказал:

– Может, морячки? – все стали оглядываться. Несколько человек в черной же морской форме, надвинув свои бескозырки и

пряча глаза, отрицательно покрутили головами.

– Во-во! – продолжал Евдокимов, разглаживая рукояткой кинжала свои усы и бороду, не без иронии оглядываясь на моряков Балтийского флота, которые всякий раз утверждали, что всё на свете они знают, и как всё де устроено, и как жить надо.

– Ничего-о! – не унимался оратор, махнув рукой, – У нас и так всё новое и жизнь мы строим новую неизведанную, но полную счастья. Нам ещё многому придется поучиться. ...Где этот? Как его? Где вновь освобожденный? Услонцев, ты где?

Толпа зашевелилась и вытолкнула из себя Ивана Услонцева, молодого небритого мужчину с разбитым носом и распухшим перекосенным от побоев лицом. Он был босиком в одних портках, на его голые расправленные плечи была накинута черная бурка, и стоял он, чуть прогнувшись, выставив вперед грязный исцарапанный живот с крупным пупом, стараясь, чтобы бурка не касалась, по возможности, содранной спины. На голове Ивана красовалась огромная черная папаха, прямо из-под её прядей выглядывали испуганные голубые глаза, распухший нос, разбитые в болячках губы, челюсть, припухшая на один бок. Руки его были заняты черкесскими ичигами, – узкими мягкими сапогами, которые он так и не смог натянуть на свои растоптанные широкие ступни, и черкесской с газырями – тоже, в общем-то, оказавшейся бесполезной из-за своей узкой для Ивана талии.

– Как тебя? Иван???

Иван кивнул.

– Ты видел, как запускают дирижабль?

...Видел ли Иван, как запускают дирижабли? О-ох! Уж лучше бы он этого никогда не видел. Вчера конный разъезд Черкесского полка поймал Ивана на станции. Иван был дезертиром и пробирался из Питера в низовья Урала к себе домой в Гурьев, – так, ничего героического и ничего необычного, огромные массы людей по всей стране, покинув окопы Первой мировой, сейчас пытались сделать тоже самое, чтобы начать новую жизнь. Это в то время, когда другие, также немаленькие массы в каком-то сумасшедшем надрыве методично истребляли друг друга, всех, всё и вся вокруг.

У Ивана было собственное мнение, не принимал он того, что творилось сейчас в его стране, и был не согласен по существу ни с белыми, ни с красными, имея свое особенное понимание текуще-

го момента. От этого его пинали и те, и другие, бывшие самыми организованными и самыми жестокими участниками этого многостороннего и многострадального конфликта. Побывав в рядах классовых соперников, но не совершив нигде ничего особо выдающегося, он продолжал медленно продвигаться к своей заветной цели – к устью реки Урал и городу Гурьеву.

Черкесы сразу решили, что он – красный. Конечно же красный! Какой же ещё? Всю ночь его допрашивали, пытали. Один из немногих русских в Черкесском полку – белый офицер – командир полка, сидя за столом, пил самогон и задавал вопросы с пристрастием о жизни Ивана в последние годы, пытаясь уличить в большевизме. Непьющие черкесы по его приказу били Ивана кулаками, ногами, плашмя шашками и стегали нагайками по голому телу. Утром офицер вынес вердикт, приказав сбросить пленного с аэростата, и пошел спать. Именно сбросить, а не просто расстрелять.

Наблюдатель аэростата – второй русский в полку – наотрез отказался это делать, так как не знал, как исполнить это технически.

– Нехилый мужик этот красный, хоть и помятый, – так размышлял ответственный за аэростат, – кто знает, кто кого скинет с высоты. Можно, конечно, связать. И отрезать в воздухе веревку, но... Просто расстрелять, – гораздо надежнее! Да и не по-христиански это!

У черкесов же (нехристиан) был приказ, который они должны были выполнить, – по-русски они почти не понимали, только приказы и команды. Дело дошло до моральных и религиозных устоев. Завязалась словесная русско-нерусская перепалка. Черкесы схватились за шашки. Наблюдатель за маузер. Но в самый разгар прений неожиданно налетели беспощадные красные, поставившие окончательную точку в принципиальном споре, и по состоянию Ивана решившие, что вот этот уж точно свой.

– Это не де-ри-жабль, – сказал Иван, еле раскрывая разбитый несимметричный рот.

– А что это?

– Наблю-дательный аэро-стат.

– А в чем разница?

– У дерижа... -бля мотор.

– Вот, товарищи! – сказал неожиданно воодушевленно командир, обращаясь к толпе, – Вот! ... У нас теперь есть человек, раз-

бирающийся в дирижаблях! Назначаем Ивана Услонцева красным пилотом дирижабля «Красный Восток». Ты, Услонцев..., пока не совсем ясен нам по своему социальному происхождению и должен ещё доказать свою верность пролетарской революции и послужить ей! И за все будешь отвечать по законам революционного военного времени, – он указал на мертвых черкесов, – Понял?

Иван, зажав подмышкой ненужные ему кавказские наряды, держась за челюсть, пожал плечами и понимающе кивнул.

– ...А с мотором мы потом разберемся.

Аэростат привязали здесь же за дерево и за крюк, вбитый в развалинах церкви. Ивану выдали трехлинейку с одним патроном, так как человек в отряде он новый и ещё неиспытанный. Забравшись в плетеную корзину-гондолу аэростата, ставшую внезапно его законной вотчиной, постелив в ней бурку и никого не спрашивая о том, что можно, а чего нельзя, измучившийся Иван, положив папаху, ненужные черкеску и ичиги на всякий случай под голову, свернувшись калачиком, лег спать, укрывшись краем бурки. Вся спина его была в синих и красных полосах, и совсем свежих рваных рубцах. Ветер трепал и мял бока аэростата. Гондола качалась из стороны в сторону, словно колыбель. Под ритм начавшего моросить дождя Иван плавно провалился из этого беспокойного непонятного и тревожного мира в другую.

...Снилось Ивану, что плывет он с дедом в черной просмоленной плоскодонной дощатой бударе² через реку Урал. Дед в белой праздничной рубахе и казачьей синей фуражке с малиновым околышем сидит на веслах и энергично гребет, но кроме этого в лодку впряжена – почти так, же как лошадь, даже с хомутом – огромная темно-серая белуга. Лодка стремительно, как утюг, летит вслед хомуту и виляющей на поверхности горбатой серой мощной спине с высокими плавниками, разрезая воду. Летят брызги, волны расходятся во все стороны и уходят вдаль.

– Вот, Ваня, – говорит, загребая дед, – прогресс! Видишь, да? Совсем новое время наступило. Теперь с самарской на бухарскую сторону-то стали добираться намного быстрее. Будет тебе Восток!

2 Будара – уральская, астраханская лодка с острым носом с большим уклоном вперед.

Вдали стал раздаваться равномерный тарахтящий звук, дед бросил весла и, заслонившись от солнца ладонью, посмотрел в одну сторону, в другую, разыскивая источник этого звука, пока не увидел его.

Навстречу им по реке шел пыхтящий мотобот, над ним развевались золотые церковные хоругви.

– Ой, Ваня! – сказал испуганно дед, ухватившись за борта, и пригнулся, почти доставая седой бородой самого дна лодки, где в воде плескалась вобла, – всего одна штука, – Ой-ой-ой! ... Запомню я, Ванька, с кем ты нонче? С красными, али с белыми будешь?

– С красными, деда, нынче с красными.

– Эх, Ванька-Ванька! Всегда у тебя так, – вот ты как отец твой: то в говно вступишь, то в Красную Армию! Нельзя мне с тобою. Время-то новое, но как я, старый человек, старой формации, сродственникам в глаза смотреть-то буду? Что отец Александро мне скажет, когда приду я к нему в Никольскую церковь? Поздно мне уже меняться. Ты уж не серчай! Выбор твой уважаю, понимаю, но как-нибудь без меня на бухарскую сторону-то.

Дед резко схватил воблу и сиганул с нею за борт. Долго его не было видно, пока он не вынырнул далеко от лодки, по-прежнему с сухой фуражкой на голове, и быстро, «саженками», держа в руке воблу, поплыл обратно к берегу.

Услышав этот всплеск, обернулась и белуга, будара резко затормозила, зарываясь носом в воду и раскачиваясь. Белуга, раздувая щеки, с которых по торчащим вниз усам стекала вода, посмотрела на деда, потом взглянула на мотобот с хоругвями, перекрестилась передним плавником и говорит Ивану человеческим языком:

– И мне нельзя, Ваня! Я же царская рыба всё-таки, – мощно развернулась и поплыла, вилля туловищем за дедом.

Вслед за ней, черпанув бортом воды, круто развернуло лодку. Иван схватился за борта и пронзительно закричал:

– Что же вы все меня бросаете, я же через весь континент домой, к вам спешу! Бедствия терплю немалые, всё ради вас, любимые вы мои!

Оглянулась белуга:

– Мы тебя тоже любим, но поначалу определись Ваня, с кем ты? С этим берегом, али с тем? С красными, али с белыми? Под

каким ты флагом ходишь? Чей приют выберешь? Нужен ли вообще тебе этот Красный Восток? Вишь, время такое! – сняла с себя хомут, метнулась, взлетев высоко в воздух, грохнулась светлым пузом об воду и на глубину ушла, оставив на поверхности расходящиеся кругом волны. Закружило и закачало будару. Деда только пятки и фуражка среди брызг мелькают. Тарахтение мотобота становится всё ближе и ближе...

...Открыл Иван глаза – ведь действительно, что-то тарахтит! Поднял голову, посмотрел сквозь прутья гондолы и увидел далеко внизу землю.

– Летим! – спокойно решил Иван, – Не надо было отцеплять от лебедки. Видел я узлы, которыми Евдокимов аэростат привязывал! Не морские то узлы были, и не те «восьмёрки», коими невода на Урале вязали. Бабские это были узлы! За такие узлы меня бы дед..., но лучше уж улететь, чем остаться с этими...

Сел Иван в гондоле, приподнявшись, посмотрел через край. Страшно! А хорошо-то как! Картина такая, что весь дух живой захватывала. Облака рядами, как будто лежат на стекле, плоско стелились выше Ивана, под ними во все стороны до самого горизонта насколько видит глаз – поля, леса, перелески, речушки всякие. Сколько проспал – не ясно, но солнце уже невысоко, отражается, сверкая, играя в мелких водах и заводях, – а значит, почти весь день. Тут же накатили голод и жажда. Вспомнил, что маковой росинки больше трех суток во рту не было, но... дело это всегда терпимое, нередкое и давно уже обычное, хотя совсем привыкнуть к нему невозможно.

– Какая она Великая, ...Россия! – думал с восхищением про себя Иван, смотря вокруг, – Сколько земли у неё и сколько богатств. Всех жителей расселить можно так, что друг друга даже встречать не будут, и все в достатке окажутся. ...Так нет же, мать твою! Мало всё! Обязательно поднимут смуту, гегемоны проклятые! Не видят бездельники жизни без личного руководства, изменений, насилия и грабежа. И всё в столицах главным образом... Там всегда кричат громче всех. И плевать им на всех. А вопли с окраин они никогда не слышат...

Тарахтение не унималось. С другой стороны, далеко, под самыми облаками Иван, наконец, разглядел мушку – аэроплан. И летел он к Ивану. Первая мысль:

– Вот нелегкая принесла! А чей он?

На аэростате была ровная красивая надпись – «Востокъ». Но впереди неё пролетарской рукой, мелом и известью было коряво выведено – «Красный». Получалось «Красный Востокъ». От дождя, насколько мог судить снизу Иван, «Красный» – поплыло, было все в разводах и почти смыто, но все равно читалось. Всё равно было – «Красный Востокъ». Более того: как бы в подтверждение этому к одной из веревок опутывающих аэростат был привязан кусок красного полотнища, добраться до которого Иван не смог бы и не решился бы никогда.

Об аэропланах красных слышно не было, но гражданская война на то и гражданская, так как полна всякой неразберихи и непрерывных изменений среди граждан. Понять на расстоянии где красные, где белые, где ещё какие – невозможно. На всякий случай, перекрестившись, Иван с самой маленькой, какая может быть, надеждой опять лег на живот и притаился – ждать свою судьбу.

Судьба приблизилась в виде зеленого аэроплана с золотым двуглавым орлом на борту и бело-сине-красными концентрическими пятнами на крыльях и хвосте, который, облетев аэростат, развеивая все последние надежды, начал стрелять из пулемета. Пули засвистели, защелкали по гондоле, забарабанили по аэростату.

– Что ж ты делаешь, сволочь, тут же живой человек есть! – закричал Иван и снова сел, погрозив аэроплану кулаком, в ответ успел только заметить широкую улыбку под большими очками на лице усатого летчика в черном кожаном шлеме, бывшего одновременно и пулеметчиком закрепленного впереди пулемета.

Аэроплан пошел на разворот. Иван неистово молился, прося Боженьку о пощаде, давая всякие обеты, обещая дневать и ночевать у крестного отца Александро в Гурьевской Никольской церкви по возвращении домой и замолить все грехи свои, близких и вообще всего человечества.

...В голову же настойчиво лезли лишь торчащие в небо черные с проседью бороды мертвых черкесов.

Самолет развернулся.

В этот момент Иван что-то нащупал под буркой и понял, что левая, незанятая молитвой рука его лежит на винтовке. Забыв о

Боге, достал её и осторожно оттянул затвор. Единственный патрон был в патроннике. Точно такой же патрон, как и в пулемете на аэроплане. Но в аэроплане их целая лента! И не одна.

...В винтовке длиннее ствол, мощнее выстрел. Бьёт она дальше и точнее, чем любой пулемет. Но в данный момент эти знания были бы лишь только слабой отговоркой и поводом, чтоб хоть чуток успокоиться, для попавшего в западню в бескрайнем воздушном пространстве.

Ещё раз перекрестившись, Иван, стоя на одном колене, положил винтовку на край гондолы, прицелился в приближающийся аэроплан и перестал дышать. Гондолу качало, да и аэроплан летел неидеально, не по прямой.

Удержать! Удержать на и без того дрожащей мушке ту часть постоянно убегającego вправо-влево-вверх-вниз аэроплана, ту самую часть, где должна быть сейчас кожано-очкасто-усатая голова летчика. Стрелять в самый последний решающий всё момент. В тот самый момент, когда начнет стрелять пилот, и терять будет уже совсем нечего. По возможности – наверняка. Один шанс из тысячи. Из миллиона тысяч!

Иван не дышал.

Для летчика прицеливание тоже было непростым делом, и он тоже тянул. Может быть, он тянул так же играя на нервах, чувствуя полную свою безнаказанность в этом мирном небе. Прямо как в тире! А может из экономии? И он продолжал тянуть.

Иван уже не мог терпеть, не хватало воздуха. Возникали сравнения с нырянием за раками в Урале, когда вот так же нет уже воздуха, а рак упирается в своей узкой норке глубоко под берегом, под яром и никак не хочет оттуда вылезать. На ощупь, осторожно, пальцами натываясь на острые его края, стараясь не тянуть за одну клешню, чтобы не оторвать её. А воздуха уже нет! И ещё миг, и там, в темной глубине, вода может ворваться в твои легкие...

Иван выстрелил. Не дожидаясь. Не выдержав этого соревнования.

Ничего не произошло и не изменилось. Аэроплан, стрекоча винтом, продолжал лететь навстречу. Голый по пояс, со следами побоев на спине, мысленно попрощавшись с этой такой прекрасной жизнью, Иван, схватившись рукой за трос, вскочил и, забыв

о больной челюсти, отчаянно закричал в сердцах на все это такое свободное, мирное и пустое небо:

– Ну, стреля-яй же! Стреляй, с-сука! Жизни никакой от вас нет. Красные-белые. Гегемоны-черкесы. Все – ненасытные! Всё мстите-мстите. Жить не можете по-прежнему. ...Да, не белый я! Но и не красный в душе, так скажу. Вот тебе грудь моя! В ней казацкое по сути, но так и не принятое казаками сердце. Сердце сына казачки и рыбака. ...Устал я от такой качели жизни. Кончай уже!

Винтовка, уже не удерживаемая им, вывалилась и полетела вниз. Иван в удивлении провожал её взглядом, как она летит в свободном бесконечном падении, покидая гондолу и удаляясь к земле.

В этот момент, так и не начав стрельбу, с ревом и ветром, чуть-чуть не задев гондолы хвостом, стремительно налетел аэроплан и пролетел чуть ниже. Иван успел заметить летчика, уткнувшегося лицом вниз.

Крылом зацепило одну из нескольких веревок свисающих вниз от гондолы и от тела аэростата. Тех самых, которые вязал Евдокимов.

От рывка Иван вылетел из гондолы. Вслед за ним вылетели неплохая папаха, совсем ненужные и бестолковые ичиги, черкеска, и улетели вслед такой же ненужной винтовке. Бурка осталась в гондоле. Часть тросов и веревок оборвалась, лопнув и отстреливаясь горизонтально в сторону. Аэростат резко дернулся, закрипел. Гондолу перекосило, закружило. Иван с удивлением обнаружил, что уже болтается снаружи, крепко уцепившись одной рукой за уцелевшую веревку с красным полотнищем, на которой же висит гондола. И эта веревка с обрывками других веревок с каждым оборотом больно перекручивается на его руке.

...Все вращалось. Перекошенная гондола. Бескрайняя Великая Россия. Накренившийся от столкновения улетающий вдаль аэроплан. Опять гондола. И над всем этим вяло колыхалось алое знамя и висело жирное выгоревшее тело, так же начавшего плавный разворот коричневого аэростата «Красный Восток».

Иван стал другой рукой цепляться за гондолу. Зацепил её ногами. С трудом освободил от перекрутившихся веревок онемевшую и посиневшую руку. Забрался в гондолу. Прижал руку к груди и, откинувшись, закрыл глаза, боясь пошевеливаться и вывалиться-

ся из корзины, висящей боком на непонятно в каком состоянии оставшейся, единственной веревке.

В голове все продолжало вращаться, даже без Великой России и улетающего в неё аэростата. Давно не евшего Ивана теперь стало жестоко тошнить и выворачивать. Он был на грани потери сознания.

Сколько прошло времени, когда он решился открыть глаза вновь – неизвестно. Вечерело. Гондола вращалась меньше, но уже в разные стороны. То туда, то сюда. Аэростат снижался. Несло на какие-то озера и болота, с которых поднимался туман, из которого неожиданно то тут, то там возникали верхушки раскидистых больших деревьев, проплывавших гораздо ниже. Иван было решился прыгнуть в воду, даже не подумав о том, что может разбиться на мелководе или увязнуть в болоте. Но внезапно вода кончилась, и началось ровное ржаное поле. Над ним несло и несло, пока на пути не попался одинокий дуб, гондола сходу врезалась в его ветки. Висящие вниз тросы и веревки, оплели дерево, запутались, и зацепились намертво. Аэростат развернулся вокруг дуба, гондола соскользнула по кроне и вновь приблизилась к веткам, накрытым уже красным полотнищем. Вцепившись, на всякий случай, зубами в бурку и вытаскивая её вслед за собой, Иван покинул гондолу, схватился здоровой рукой за ветку и перебрался на дерево, шагнув прямо сквозь это красное полотнище, но не удержался. Помешало оно – полотнище. Выпустил бурку, сорвался, прорвав кумач, и кубарем свалился вниз на землю, сшибая по пути ветки. Сверху на него упала бурка, и он провалился в забытье.

Последняя веревка лопнула, аэростат улетел.

Очнулся или проснулся Иван под утро. Стоял туман. В этом тумане по полю ездили всадники и окрикивали друг друга. Опять, что это за всадники? Белые или красные? Будет ли когда покой на этой земле?! Иван высунулся из-под теплой бурки, снаружи было зябко. Так и не вставая, на четвереньках, прихрамывая на одну руку, с буркой на плечах, пополз он в сторону от этих окриков, топота и лошадиного всхрапывания. Начался кустарник, бурка цеплялась за ветки – Иван встал.

– Стой, стрелять буду! – раздалось сзади, вжикнула вытаски-

ваемая из ножен шашка, и загремел лошадиный топот, все ближе и ближе.

Иван пригнулся и рванул без оглядки вперед, теряя бурку. Грохнул выстрел.

Так Иван попал в лес. Сказочный лес.

...Что такое лес для Ивана? – Он всегда полон измены!

Иван вырос в городке, расположенном в степи, на берегах реки Урал. С детства он был более знаком с серой степью, поросшей мелкими кустиками травы, простором, стуком копыт, лошадиным фырканьем, водной гладью, гребком весла в воде, шумом ветра, раздувающего хлопающий парус, хрипами и хрюканьем извивающегося в бударе осетра, с черной икрой в его вспоротом брюхе, утренним хохотом чайки над водою...

Но вот лес... – вольное сообщество растущих деревьев, когда не видно горизонта, и за каждым из этих деревьев может быть засада, – он не понимал. Да, это здорово – оказаться в тени деревьев в жаркий полдень или укрыться в нем от дождя, видеть, как разом крутятся и шелестят все его листочки, как гнуться деревья под налетевшим шквалом, но все это была не его стихия. Лесов в его краях почти не было, только сады в черте города. И эти немногие тихие сады никогда не представлялись для Ивана особенно опасными. Когда вдруг, оказавшись на фронте... В одном окопе с сибиряками, выросшими в самой тайге, он с удивлением обнаружил, что после каждого захода в лес те тщательно осматривают от макушки до пят друг друга и Ивана, в поисках таинственных, якобы смертельно опасных для человека лесных клещей, о которых Иван вообще никогда ничего не слышал и не догадывался даже об их существовании. Вот тогда-то отношение Ивана к лесу окончательно испортилось!

Но этот лес был особенным. В полумраке сверху свисали свещающиеся гирлянды из листьев и цветов. Деревья расступались, убирая ветки в стороны перед Иваном. Вокруг кружили райские птички и выводили длинные мелодичные трели. А снаружи слышались злые крики преследователей, изредка звучал выстрел, и пули летя через лес, сбивали на своем пути ветки, гирлянды и убивали птиц, которые взрывались облачками из пуха, перышек и всплеска черных мелких капель крови.

Иван бежал изо всех сил вперед, но все движения его, как назло, были замедленными и плавными. Он видел полет пуля. Слышал окрики: «Стой, шалава, убью!» – Колени медленно выкидывались вперед, согнутые руки шли в такт коленям к вискам, окровавленные перышки кружились в воздухе. Нет! Нет! И нет!

Он вылетел на лужайку, где все приняло свою обычную скорость.

Посреди лужайки, не касаясь земли, на курьих ногах стояла небольшая убогая изба, вся покрытая зеленым мохом. Удивленный Иван как вкопанный остановился перед ней, пытаясь овладеть своим дыханием и не веря глазам своим. Ему казалось, что изба тоже дышит, но спокойно и ровно.

– Стоять! – снова раздалось сзади, грохнул выстрел, пуля, просвистев и прошуршав по лесу, глухо ударила в избу. Иван пригнулся. Изба крякнула от боли, переступив куриными ногами, и потеряв одну ногу о другую. Иван наклонился, чтобы разглядеть эти ноги, но по мере его наклона изба приседала, закрывая их как подолом, не давая ему этого сделать. В это время уже со всех сторон хрустели ветки под ногами, и весь лес наполнился голосами.

– Избушка-избушка, – сложив ладони перед грудью, зашептал Иван, – встань ко мне передом, а к лесу задом, а? – и сам стал на колени.

Изба заскрипела и, раскачиваясь, развернулась. На травяной крыше поднялась пыль, с бревен посыпалась труха. Каркнула ворона. Темное окошко не проглядывалось. Бесшумно отворилась дверь. Внутри, в темноте, в сырости на лавке в выцветшем одеянии сидела древняя мерцающая старуха и с интересом рассматривала Ивана. Иван встал, сделал шаг вперед, но дальше идти не смог. Вокруг погоня, но там, внутри, было ещё страшнее, там было – как в могиле.

– З-здравствуйте, бабушка-яга! – прошептал Иван поклонившись.

– Здравствуй! А чего шепотом? – кивнув, прошептала старуха.

– Так услышат ведь!

– Эти? Ой! Эти не услышат, – сказала она громко, – они сами себя никогда не слышат. Тебе чего надо-то?

– Помогите мне, бабушка, – продолжал жалобно шептать Иван одними губами.

– Страшно?

– Очень!

– Душу... готов отдать за спасение?

Иван потупил голову и не ответил.

– А что же мне теперь с этими делать? Убить всех, что ли?

Иван снова промолчал.

– Что ж ты молчишь всё? Руки как индус сложил. Ответственность на себя брать не хочешь?! А кто тогда должен ответить за всё это? Кто? ...Ну, как же мне помочь тебе, милый? Чем? Намекни хоть! Может..., отправить туда, где их нет...?

Иван кивнул, и тут же что-то ударило его больно в самый затылок, и упал он лицом вперед, уже не слыша выстрела.

Красный Восток

...Чувствует Иван, что лежит он снова с закрытыми глазами, и где-то что-то опять тарыхтит. Сразу облегчение почувствовал. Решил, что заснул в аэростате, и все ему приснилось – весь этот ужас, кошмар, тревоги и волнения. ...Фу ты, Боже мой! Страсть какая! Опять аэроплан, что ли?!

Пошевелился и понял, что лежит-то в этот раз на земле и носом в землю уткнулся.

Открыл глаза – вокруг пшеница стоит высокая, колосья большие и уже созревшие, солнце сквозь них теплым мирным светом греет, сверху небо голубеет с легкими облачками.

Сел Иван, смахивая песок с лица, а пшеница все равно выше него. Ядреная пшеница такая!

Встал Иван и увидел, что прямо по пшенице прет на него огромная широкая зеленая машина, впереди неё что-то крутится, а в стеклянной кабине сидит человек.

– Танк! – решил Иван, развернулся и снова побежал, а про себя думает, – Что-то тут не так! Почему кабина стеклянная-то? Оглянулся, споткнулся, ноги заплелись, – и упал. А «танк» – всё ближе и ближе! Вот совсем рядом подъехал и остановился. Сел Иван, обернувшись навстречу. Пыль стоит. Перед «танком» какая-то штука вращается, пыль эту поднимает, остановилось вращение, стало тише, из кабины вылез человек и спустился к Ивану. Идет, прямо перед собой возле губ микрофон держит, такой металлический, прямоугольный, блестящий, без проводов, и говорит в него что-то непонятное, а микрофон ему сам вслух отвечает, – также

непонятно. Подошел, убрал микрофон, глядит то на него, Ивана, то на микрофон, остановился, – молчит.

Смотрит Иван, а человек-то этот – нерусский. Скорее киргизский, кайсацкий, такой, какие на бухарской стороне дальше в киргизских степях живут на родине Ивана, в Гурьеве. И одёжа на нем вся какая-то странная! Синие портки плотные, вышитые желтыми строчками, что-то типа черной тельняшки без полос с короткими рукавами и с нерусской белой надписью на груди («Vodka connecting people» там было написано), на ногах – обувь из белой резины. Стоит, на Ивана поглядывает своими узкими глазами, ухмыляется.

– Где я? – спрашивает Иван.

Киргиз-кайсак с трудом сдерживая смех, отвечает:

– Красный Восток это.

– Красный Восток? – не поверил Иван, – А это Россия?

Тут уж вообще нерусский рассмеялся:

– Ну, да! Канешна, Россия! Раньше был «Совхоз Красный Восток», теперь просто Красный Восток, – говорил он с акцентом, но вполне прилично по-русски для киргиза.

– А что ты тут делаешь?

– Как что? Хлеб вам убираю.

– Ты ведь киргиз?

– Ну, да. Из Оша...

В это время прибежал ещё один киргиз-кайсак, и они стали говорить по-своему. А Иван всё это время думает: «Вот куда избушка привела! Рай это или ад?»

Прибежавший полез в кабину «танка», а тот, первый киргиз, протянул руку и говорит:

– Вставай братан, нельзя здесь, задавит комбайн.

Протянул Иван руку, помог киргиз встать ему. «Танк» снова заурчал. Иван смотрит на «танк», а киргиз на босые ноги Ивана, на спину, исполосованную, на руку со следами веревки и головой качает.

– Меня Александром зовут, тебя как?

– Александром? Тебя-я?

– Хм! Кыргызские имена понимаешь? Тогда зови Алибеком.

– Алибек? Всё равно странно. ...Иван я, Услонцев. Складно, однако, ты по-русски умеешь.

– Пойдем, Иван, что-то со спиной твоей ужасное.

Идут Иван с Алибеком, вокруг поле пшеницы бескрайнее, только неподалеку от «танка» дуб одинокий в поле этом затерялся.

– Вообще я не комбайнер, – продолжает Алибек, – в Оше инженером был. В Бишкеке... Фрунзенский политех окончил...

Иван идет и думает:

– О чем это сейчас ангел с ним говорит, и куда они идут? – вслух же добавил, – Как киргиз может быть ещё и инженером?!

Замолчал и посуровел Алибек. Пришли к синей низкой сверкающей металлическими деталями и прозрачными стеклами корбочке с пневматическими резиновыми колесами стоящей на краю очень гладкой асфальтовой дороги.

– Очень похоже на автомобиль! – усмехнулся Иван.

– Садись, остряк! – глянул исподлобья Алибек, сел сам, открыл дверь Ивану, а потом с удивлением наблюдал, КАК залезает Иван в машину. Изменился взгляд Алибека. Понял он всё. Сам заботливо пристегнул ремнем Ивана, который сидел, наклонившись вперед, не опираясь на спинку сиденья, а широко раскрытыми глазами обшаривал салон.

– Это рай или ад? – спросил, наконец, Иван.

Алибек, пристегнулся сам, кивая головой и думая, как ответить, чтобы не расстроить больного человека. В это время мимо пролетели две черных лупоглазых приземистых машины, совсем не похожих на его машину, и забыл он о раздумьях своих.

– Для этих, наверное, рай! – сказал зло Алибек, – Для нас, точно, – ад!

Иван обернулся, смотря вслед черным машинам, и мелькнула такая догадка: «Видно, жителей ада заставляют ездить на сверкающих цветных машинках, для отличия, а райские жители, как на том, так и на этом свете всегда предпочитают черный цвет автомобиля...»

Машина тихо завелась, и они очень быстро и мягко поехали. Алибек включил музыку.

– Радио или граммофон? – спросил Иван.

Алибек не глядя на дорогу, посмотрел на Ивана, на свою музыку, опять на Ивана и нажал кнопку. Музыка тут же прекратилась, и вылез диск.

– О-ох! – испугался Иван, и дрожащим пальцем осторожно потрогал его, – Железная?

– Кто?

– Пластинка.

Алибек почесал затылок и показал на неё:

– Эта-а... пластик.

– Что-о???

– Ну да, железная! – Алибек нажал на диск, он уехал в щель и музыка продолжилась.

Долго ехали молча, пока резко не остановились у таблички. Иван все это время смотрел на поле вдоль дороги.

– Смотри! – сказал Алибек.

– Да-а, – ответил Иван, – поля у ва-ас – бескрайние!

Алибек посмотрел на поле, туда, где затерялся взгляд Ивана, и, тронув его за плечо, указал на табличку перед машиной:

– Сюда смотри!

– Крас-ный Вос-ток. – прочитал Иван белые буквы на синем фоне, – ...А ять где?

– Какое ять? – Алибек не понимая, смотрел на Ивана.

– Какая. ...Буква такая. Должно быть Красный Востокъ, – Иван показывал на табличку, – а здесь, – Красный Восток.

Алибек посмотрел на табличку, покрутил головой, показывая, что ничего не понимает и вновь уставился на Ивана.

– С ятью, понимаешь? ...Вам-то, киргизам, конечно, всё равно, и этого не понять. Или что..., до вас тоже уже дошла революционная реформа?

– Какая реформа? ...Их так много. Все – революционные!

– Об упразднении знака отличия грамотности от неграмотности. – Тридцатой буквы русской азбуки то бишь. ...Ну, циркуляр Временного правительства.

– Послушай..., ты долго издеваться будешь? Я тебе говорил про Красный Восток? Говорил? Вот, – киргиз показывал на табличку.

Иван задумался: «Сплошной ад. Повсюду «Красный Востокъ». Что такого натворил я по жизни? Не крал. Не убивал. ...Лётчик???»

– Ты сам местный? Откуда ты, Иван? Откуда родом? – Алибек протянул обе ладони к Ивану.

– Гурьев. Уездный город Уральского казачьего войска. Гурьевский отдел.

– Каза-ачьего??? Опять! – Алибек ударил двумя руками по рулю, – ...ТЬфу! Сразу бы сказал, что больной ты. Что псих ненормальный. Что алкоголик! – Алибек, снова повел машину, – Я тут голова ломаю. Думаю, чем тебе помочь. Время тяжелый. Сам выжить пытаюсь. Хлеб вам убираю. А ты казаки-мазаки! Всякий дрянь придумаешь! Играешь! Что нельзя просто человек быть? А?! – Алибек взмахнул руками, отпуская руль, – Просто советский человек быть? Как раньше? Равенство. Братство. А ты – каза-аки! – Алибек вновь ухватился руками за руль и долго молчал, – ...У меня в Ош дом сожгли. Н-ничего не осталось. Представляешь? Еле ушел ночью, я, жена, дочь. Думал, чуть заработаю и вернусь снова, дом построю. Это же не я вся страна развалил, все украл и пропил! Это же ваша Горбачева и Ельцина сделал! Это – Москва сделал! А ты, Иван... – каза-аки!

Снова Иван не понимал, о чем говорит ангел.

Свернули с дороги, по краю поля, по проселку приехали к роще и пруду. В тени стояла маленькая палатка, перед ней столик с белыми гладкими легкими стульями, лавкой и летняя кирпичная печка, на которой киргизка, одетая в штаны и легкое шелковое платье готовила еду. Алибек вышел из машины, подошел к женщине и заговорил с нею, оглядываясь на Ивана. Позвал его, махнув рукой. Иван покрутился в машине, но выйти не смог. Не знал как. Алибек подошел, открыл дверь, отстегнул ремень и отошел. Иван, поставив ногу на порог, стал исполосованной спиной вперед вылезать, застрял в тесной кабине, затылок уперся в потолок, и наконец вывалился из «Жигулей». Алибек развел руками, Женщина прикрыла ладошкой рот. Ивану помогли встать, и они с Алибеком пошли мыть руки в пруду.

...С удивлением рассматривал он кусок туалетного мыла, которое ему дали, принялся и даже откусил кусочек.

– Вкусно? – спросил Алибек.

– Ага, как пирожное, ...но несладкое, или как сало, ...только несоленое.

– Вот не надо это есть! Пойдем за стол!

На столе уже накрыто. В тарелках лежала еда. Мясо! Мясо! Было что-то ещё, овощи, но запах мяса просто закружил голову и опьянил Ивана, который вспомнил о своем голоде.

– Жена моя, Айжамал, – представил женщину Алибек, – это Иван.

Накрывая стол, и видя, как Иван смотрит на еду, Айжамал прослезилась.

...Все, что было на тарелке, Иван проглотил за один раз, просто нагнувшись и смахнув все лепешкой с тарелки прямо в рот. Не притронувшийся к еде Алибек, увидев это, сидел в глубоком раздумье.

– Можно ещё? – спросил Иван у изумленной Айжамал и затолкал всю лепешку в рот. Из глаз Ивана пошли слезы.

– Ваня, как давно Вы ели в последний раз? – спросила Айжамал.

– Третий день, ...нет, четвертый – попытался сказать Иван полным ртом и просто показал три, а потом четыре пальца.

– Нет, Ваня, больше нельзя, боюсь, что и этого было слишком. Человеку нельзя сразу так много, если он долго не ел. Можно умереть. Возможен заворот кишок.

– Дайте же мне хоть один раз умереть по-человечески! Сытым! – опять полным ртом бубнил Иван.

– Вы ещё очень молоды, чтобы умирать, – догадалась Айжамал.

– Налей ему чай! – попросил Алибек, – Эй, Вань! Чай пей! Пей! Продави всё! Потом Кызжибек тебе раны обработает. Кыз! Кызжибек! – крикнул он в сторону палатки почти по-русски. Потом что-то совсем уже не по-русски.

Палатка зашевелилась, и из неё вылезла сонная стройная девушка. Также в брюках. Восточная красавица! Короткие для женщины волосы. Правильные черты лица. Светлая кожа, глаза четко очерченные, черные, на переносице небольшая сыпь черных мелких веснушек. Иван, дожевывая, развернулся на стуле, чтобы разглядеть её, и поразился такой необычной для него красоте восточной, крошки сыпались из его раскрывшегося заполненного непережеванной пищей рта.

– Дочь моя, Кызжибек, – представил её Алибек, – это Иван.

– Катя, – сказала присев Кызжибек возмущенно скривив губки папе и очаровательно улыбнувшись Ивану. Легкими воздушными шагами она побежала, скорее – полетела, к машине.

– Э-э, – Алибек махнул рукой, – Иван кыргызские имена очень

хорошо понимает.

Кызжибек пришла от машины с аптечкой. За это время Иван успел дожевать лепешку и обжечься налитым ему горячим чаем.

– Он что у вас, с сахаром??? – Иван дышал открытым ртом, – Ваша жена, почтенный Алибек, тоже хорошо по-русски говорит для киргизки, только малость странно.

– Да-а, Ваня, – разведя театрально руки над раскрытой аптечкой, лежавшей на лавке, и смотря вверх, ответила Кызжибек, – она же в Оше... русский язык преподавала.

– Кто? – повернулся к ней Иван, – Ваша мать? Была учительницей русского языка, ваша мать? Как такое возможно? – и вновь посмотрел на Айжамал.

Алибек еле сдерживал смех над тарелкой, Айжамал, улыбаясь, сидела рядом с мужем, поставив локти на стол и положив подбородок на кулачки.

– Вы знаете, Ваня, – Кызжибек уперла руки в бока, вскинула одну бровь вверх и качала головой, – у неё даже были русские двоечники! Русские ученики, плохо знающие русский письменный, – вы меня понимаете? ...Вы готовы, Ваня? Я начинаю, – Кызжибек взяла и затрясла бутылочкой зеленки, заткнув её ватой и осматривая его спину.

Иван, не веря, крутил головой, то на неё, то на Айжамал, которая многозначительно кивала, подтверждая слова дочери.

В это время Кызжибек прижгла ранку на спине Ивана, тот вскочил, ревя от боли.

– А-а-а!

– Терпенье мой молодой друг, только терпенье! – Кызжибек, нажимая пальчиком на плечо, усадила его обратно на место.

– Больно-то как! Так вы, что, не ангелы, что ли? – спросил Иван, прикусив губу и приготовившись терпеть, – Я уже думал, что совсем умер, и тут вы появились...

– Вань, вот Вы какого года? – спросила Айжамал.

– С девяносто пятого... С тысяча восемьсот девяносто пятого.

Айжамал переглянулась с мужем.

– Только хотела сказать, что мы – ровесники... Хм, а тут оказывается, Вам уже сто восемнадцать стукнуло. На сто лет старше. Как Ваше самочувствие, дедушка?... Ангелы какие-то. – Кызжибек не отрывая внимательного взгляда от спины Ивана и, продолжая обрабатывать раны, негромко говорила сама себе, – ...Так,

интересно, ...а что же Вы в таком случае делали седьмого ноября... Упс-с-с! ...Двадцать пятого октября одна тысяча девятьсот семнадцатого года?

– Как что? Ясно дело. В окопах сидел. На фронте. Германском. Барановичи. ...Почему сто восемнадцать? Двадцать три мне только.

– Ага! Смольный, значит, Вы не брали? А с математикой у нас бо-ольшие проблемы. К тому же лишь на пять лет меня старше хотите казаться? ...С чего это, а-а? Хм! Что, родители? Как вам такой кандидат в мужа вашей дочери? Пять лет разницы – это же то, что надо!

Айжамал смеялась. Алибек показал кулак выглядывающей из-за спины Ивана дочери.

– Вань, а Вы Ленина видели?

– Видел.

Алибек перестал жевать, Кызжибек выпрямилась. Все смотрели на Ивана.

– А-а-а, в мавзолее, наверное? – догадалась Кызжибек и зама-хала руками.

Иван посмотрел по очереди на каждого.

– Нет. В каком таком м-ма-мавзолее... В этом году видел. На митинге в Петрограде. Маленький, лысый, бородка рыжеватая, картавит, быстро говорит. Складно говорит, как отрубает. ...Потом, после, когда мы на поезде ехали с фронта. Путь преградили какому-то эшелону. Там сплошь латышские стрелки. Дошло до драки. До стрельбы в воздух. Их-то – больше, все холеные, надутые, важные, в обновке. Обложили нас, оружие отобрали. Говорят, Совнарком в Москву переезжал. Ну, и он с ними вроде как был в том поезде, – Иван повернулся к Кызжибек, – ...Хочешь сказать, сейчас две тысячи тринадцатый?

– О-у, йес! Наконец-то. Фу-ты! Наконец-то к нам вернулась математика начальных классов. Но во времени..., – она качала головой, – заблудились. Окончательно. Живой Ленин в этом году, как это вам? Но, впрочем, это тоже можно понять. Двойников много развелось. В каждом городе свой Ленин, ...свой Арбат. Люди кушать хотят. Бизнес такой. Чужой копирайт тырят. ...Истории странные у Вас, – Кызжибек снова принялась за лечение, – А как у Вас с географией? Where are you from? То бишь откель Вы будете, Ванятка?